

тимости времени воплощалась и в том, что начальные части произведений {...} не столько объясняли предысторию рисуемых событий, сколько подытоживали их».²⁰ Концепция обратимого времени, впитавшего пространственные параметры, делает возможными логические инверсии, приводит к обмену признаками между абстрактным и конкретным: «В то время приидоша зело красны лица, / Во одеждах пресветлых, как чисты девицы» (2 : 15). Традиционное уподобление девичьей чистоте чистоте ангельской вывернуто здесь наизнанку. Эта перестановка являет пример присвоения идеальному плану качества истинности, высшей реальности, стабильности, а плану реальному — иллюзорности, ненадежности. Между тем эта инверсия не отражает авторского замысла — Буслаев ориентируется главным образом на иконографию, как явствует из его комментария: «В девических же персонах яко живописцам, тако и поетам, сия описывать обычай есть».

«Подобно тому как категория времени пропитывалась пространственными значениями, — пишет И. П. Смирнов, — сами пространственные понятия, рассеянные в произведениях барокко {...} сливались с представлениями о времени. {...} художественное пространство выступало как ориентированное. Но при этом искусство барокко приписывало элементам действительности {...} зависимость от однонаправленной ориентации пространства».²¹ Следует, однако, отметить, что у Буслаева в пространстве, наделенном некоторой преимущественной ориентацией, заданы и другие направления, конфликтующие с главенствующим: «Очи являли милость, лицо же все радость. / Весь он был желание, весь приятна сладость // Округ его стояли небесныя силы, / Светлы лица имуше, илектровы ж крылы // От славы неприступной себе закрывали» (1 : 13—15). Приведенные строки последовательно описывают центробежное движение света (славы), исходящего центром круга (очами Христа) на периферийную окружность: *очи—лицо—весь он* (2 раза)—*округ его*. Но периферия (*небесныя силы*) и сама обладает источником света (*илектровыми крылами*²²) и этим «оборонительным» светом заслоняется от света «атакующего», который исходит от центра (ср.: «Тогда царь славы воздвиг блистательны очи, / На них же и ангелом зреть не было мочи» (1 : 28)). Нужно добавить, что пространство у Буслаева бывает преимущественно ориентировано также извне вовнутрь, от пери-

чи свободен от трех поводов ко греху: зрения, слушания и разговора » (*Величковский П* Крыны сельные, или Цветы прекрасные Факсимиле издания Одесса Издание Русского Свято-Ильинского скита на Афоне 1910 С 32)

²⁰ Смирнов И П Указ соч С 341

²¹ Там же С 341—342

²² Т е янтарными, или злато-серебряными Согласно комментарию Буслаева, «илектр разумется светлость»